

Научная статья

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.4.847-857>

УДК 316.4:328.185:327:343:355(2Рос)

С. М. ИНШАКОВ¹,

В. А. КАЗАКОВА¹

¹Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Россия

СПЕЦИАЛЬНАЯ ВОЕННАЯ ОПЕРАЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ УРОВНЯ АНТИКОРРУПЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА

Контактное лицо:

Иншаков Сергей Михайлович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры национальной безопасности и правоохранительной деятельности Института международного права и правосудия, Московский государственный лингвистический университет

E-mail: insmi@yandex.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6412-4633>

Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/R-1384-2016>

eLIBRARY ID: SPIN-код: 3528-2941, AuthorID: 331984

Казакова Вера Александровна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой уголовно-правовых дисциплин Института международного права и правосудия, Московский государственный лингвистический университет; главный научный сотрудник отдела по исследованию проблем оперативно-розыскного обеспечения противодействия преступлениям коррупционной направленности научно-исследовательского центра по исследованию проблем противодействия преступности в сфере экономики, Всероссийский научно-исследовательский институт внутренних дел Российской Федерации

E-mail: vera1313@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7453-6201>

Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/R-1374-2016>

eLIBRARY ID: SPIN-код: 1996-1137, AuthorID: 663765

Аннотация

Цель: анализ динамики антикоррупционного потенциала России в связи с социально-политическими условиями развития современного российского общества.

Методы: диалектический подход к познанию социальных явлений, позволяющий проанализировать взаимосвязь таких явлений, как политика, экономика, власть, коррупция, а также использовать сравнительно-исторический, системный, институциональный, абстрактно-логический методы для прогнозирования путей повышения антикоррупционного потенциала социума и его антикоррупционной устойчивости.

Результаты: прогнозируется развитие антикоррупционного потенциала современного российского государства на основе формирования гражданского общества, под влиянием социально-экономических и социально-политических процессов, происходящих в России на фоне проведения специальной военной операции. Констатируются закономерности поведения представителей правящей элиты в различные сложные периоды развития государства, в том числе в условиях специальной военной операции Вооруженных сил России на территории Украины.

Научная новизна: проведено сравнительное исследование зависимости распространения коррупции в обществе от социально-политических условий социума, характеристик правящей элиты, в том числе в условиях современного общества в его экстремальном состоянии в период проведения специальной военной операции и влияние этих условий на антикоррупционную устойчивость общества.

Практическая значимость: заключается в возможности формулирования прогнозных оценок относительно возможности повышения антикоррупционного потенциала общества (антикоррупционной устойчивости общества) и путей достижения цели борьбы с коррупцией.

© Иншаков С. М., Казакова В. А., 2022

© Inshakov S. M., Kazakova V. A., 2022

Ключевые слова: уголовно-правовые науки, коррупция, противодействие коррупции, антикоррупционный потенциал общества, специальная военная операция, правящая элита, гражданское общество, антикоррупционная устойчивость

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Иншаков С. М., Казакова В. А. Специальная военная операция как инструмент повышения уровня антикоррупционного потенциала // Russian Journal of Economics and Law. 2022. Т. 16, № 4. С. 847–857. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.4.847-857>

The scientific article

S. M. INSHAKOV¹,

V. A. KAZAKOVA¹

¹ Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

SPECIAL MILITARY OPERATION AS A TOOL OF INCREASING THE ANTI-CORRUPTION POTENTIAL

Contact:

Sergey M. Inshakov, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of National Security and Law-enforcement Activity of the Institute of International Law and Justice, Moscow State University for Linguistics

E-mail: insmi@yandex.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6412-4633>

Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/R-1384-2016>

eLIBRARY ID: SPIN-code: 3528-2941, AuthorID: 331984

Vera A. Kazakova, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal-legal Disciplines of the Institute of International Law and Justice, Moscow State University for Linguistics; Chief Researcher of the Department of researching the problems of operative-investigative provision of corruption counteraction of Scientific-research Center for researching the problems of economic crimes counteraction, All-Russia Scientific-research Institute of the internal Affairs of the Russian Federation

E-mail: vera1313@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7453-6201>

Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/R-1374-2016>

eLIBRARY ID: SPIN-code: 1996-1137, AuthorID: 663765

Abstract

Objective: to analyze the dynamics of Russia's anti-corruption potential in connection with the socio-political conditions of the modern Russian society development.

Methods: a dialectical approach to the cognition of social phenomena, which allows analyzing the interrelation of such phenomena as politics, economics, power, corruption, as well as using comparative-historical, systemic, institutional, abstract-logical methods to predict ways to increase the anti-corruption potential of society and its anti-corruption stability.

Results: the development of the anti-corruption potential of the modern Russian state is predicted, based on the formation of civil society under the influence of socio-economic and socio-political processes taking place in Russia against the background of the special military operation. The regularities in the actions of the ruling elite representatives in various difficult periods of the state development are stated, including during the special military operation of the Russian Armed Forces in the territory of Ukraine.

Scientific novelty: the work presents a comparative study of the dependence between the spread of corruption in society, on the one hand, and the socio-political conditions and the characteristics of the ruling elite, on the other, including under the conditions of modern society in its extreme state during the special military operation; the impact of these conditions on the anti-corruption stability of society is also studied.

Practical significance: consists in the possibility to formulate forecasting assessments regarding the ability to increase the anti-corruption potential of the society (anti-corruption sustainability of the society) and ways to achieve the goal of fighting corruption.

Keywords: Criminal-legal sciences, Corruption, Corruption counteraction, Anti-corruption potential of society, Special military operation, Ruling elite, Civil society, Anti-corruption stability

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Inshakov, S. M., Kazakova, V. A. (2022). Special military operation as a tool of increasing the anti-corruption potential. *Russian Journal of Economics and Law*, 16 (4), 847–857 (in Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.4.847-857>

Введение

При изучении проблематики, связанной с очищением общества от коррупции, очень важно не упускать из виду такой феномен, как антикоррупционный потенциал социума. Сущность этого объекта исследования заключается, во-первых, в отторжении различными слоями общества и социальными группами коррупционных процессов, негативном отношении к поражению страны коррупцией, во-вторых, в готовности реализовывать эффективные меры борьбы с преступными проявлениями. Антикоррупционный потенциал в различных социальных слоях может быть высоким, средним или низким. В результате взаимного влияния этих социально-политических субъектов в стране формируется интегральный показатель уровня антикоррупционных установок.

Измерение уровня антикоррупционного потенциала позволит анализировать как минимум три важных аспекта борьбы с коррупцией. Первый аспект – определенному уровню соответствует определенная антикоррупционная модель, функционирующая в стране. Второй аспект заключается в следующей зависимости: чем выше уровень антикоррупционного потенциала, тем активнее ведется борьба с такими видами коррупционной преступности, как взяточничество, хищения, служебные злоупотребления и т. п. Третий аспект раскрывает важнейшую закономерность эффективности мер борьбы с коррупцией. При низком уровне антикоррупционного потенциала общества реализовать эффективные меры борьбы с коррупцией невозможно. Нельзя отрицать важность научных изысканий в этой сфере, которые отечественными специалистами успешно проводятся, а их результаты публикуются [1. С. 378–392; 2. С. 680–692; 3. С. 550–552; 4. С. 71–80; 5. С. 85–89; 6. С. 48–56; 7. С. 2349–2360; 8. С. 123–129; 9. С. 69–72; 10. С. 150–154; 11. С. 2; 12. С. 294–298; 13. С. 173–182; 14]. Но при низком уровне антикоррупционного потенциала самые удачные научные разработки не будут внедрены в практику борьбы с коррупцией и коррупционной преступностью. А при высоком уровне антикоррупционного потенциала эффективные меры становятся обязательными элементами функционирования соответствующих субъектов. И все препятствия на пути их внедрения в практику сметает антикоррупционный потенциал.

Закономерности изменения антикоррупционного потенциала общества в различных социально-политических условиях

Низкому уровню антикоррупционного потенциала соответствует контркриминальная модель, характеризующаяся признаками, в которых просматриваются черты социальной деградации. Гражданского общества как такового практически не существует. Отдельные общественные организации лишь имитируют социальную активность, полностью находясь под влиянием правящей элиты. Политическая и экономическая элита далека от реализации национальных интересов, она пропитана корыстными установками и видит свое будущее за пределами страны (в развитых зарубежных странах представители элиты приобретают недвижимость, там учатся их дети, туда переезжают их семьи, а сами они стремятся получить иностранное гражданство или хотя бы вид на жительство). Руководитель государства находится либо в подчиненном положении у политических

и экономических элит (семибоярщина, семибанкирщина), либо между ними существует паритет – этакое неустойчивое равновесие. В этих условиях руководитель не претендует на то, чтобы доминировать над элитой, он скорее начинает подыгрывать им и сам погружается в коррупционные процессы. Благодаря соответствующей идеологической обработке населения в социуме наиболее распространенной идеологемой становится принцип «пусть все остается как есть». Правоохранительные органы деградируют по следующей схеме:

1) вначале они утрачивают антикоррупционный потенциал (наиболее непримиримых борцов с коррупцией увольняют с государственной службы или даже с помощью фальсифицированных доказательств привлекают к уголовной ответственности);

2) затем они начинают постепенно коррумпироваться, и по уровню материального благосостояния их представители в отдельных случаях оказываются способными конкурировать с представителями экономической элиты.

Аналогичным образом разлагаются и судебная система, и государственные надзорные и контрольные органы.

При этом в отдельных случаях в обществе может накапливаться ненависть к продажной элите, ее даже могут свергать с политического олимпа. Но ни к каким позитивным результатам эти деструктивные акции народа не приводят. К власти вновь приходят коррумпированные представители элиты, которые в целях идеологической мимикрии лишь меняют политические лозунги и успокаивают народ обещаниями, которые не собираются выполнять (наиболее ярким примером в этом отношении является современная Украина). Социум, не структурированный как гражданское общество, не овладевший культурой политической борьбы, лишенный надежных и честных политических лидеров, не может проявить себя как политический субъект. По этому поводу И. В. Гете справедливо заметил: «Наносить удары масса может, тут она достойна уважения, но суждение ей плохо удается» [15. С. 451].

К числу признаков низкого антикоррупционного потенциала относится негативная трансформация законодательства. Погрязшие в коррупции элитарные слои общества лоббируют принятие законов, которые затрудняют противодействие коррупции, а в некоторых случаях вообще исключают его (трансформируют коррупционные акции по расхищению национальных богатств во вполне законные бизнес-проекты). Эту порочную законодательную практику подверг жесткой критике В. В. Путин, выступая в пос. Ведяево перед родственниками моряков, погибших на атомной подводной лодке «Курск», еще в 2000 г. Родственники моряков высказали немало упреков в адрес президента, ссылаясь на телевизионные передачи. Вот что ответил им В. В. Путин: «Телевидение? Значит, врет. Значит, врет. Значит, врет. Там есть на телевидении люди, которые сегодня орут больше всех и которые в течение десяти лет разрушали ту самую армию и флот, на которых сегодня гибнут люди. Вот сегодня они в первых рядах защитников этой армии. Тоже с целью дискредитации и окончательного развала армии и флота! За несколько лет они денег наворовали и теперь покупают всех и вся! Законы такие сделали!»¹

Признаки среднего уровня антикоррупционного потенциала таковы: социум постепенно обретает черты гражданского общества. В нем возникают и развиваются политические движения, которые могут трансформироваться в народные партии. Наиболее активные представители гражданского общества создают общественные организации, которые могут оказывать заметное влияние на деятельность политических элит. Конечно, наиболее ярких и опасных представителей гражданского общества те или иные политические элиты устраняют со сцены. Логика развития гражданского общества как политического субъекта формирует ярко выраженный негативизм по отношению к коррупции, и устранить эти антикоррупционные импульсы политической элите уже не под силу. В этих условиях, как правило, избирается следующая антикоррупционная стратегия. Акцент в борьбе с коррупционной преступностью и должностными злоупотреблениями делается на так называемую низовую коррупцию [16. С. 36–44; 17. С. 69–76] и коррупцию среднего уровня, или административную кор-

¹ Встреча с родными. Стенограмма встречи Президента РФ с родственниками моряков, оставленных на «Курске» // Коммерсантъ Власть: аналитический еженедельник. 2000. № 34 (385). 29 августа.

рупцию [18. С. 80–88]. Коррупция высшего уровня, иногда именуемая термином «политическая коррупция» [19. С. 46–51; 20; 21. С. 48–55; 22. С. 15–19; 23. С. 38–42], остается вне досягаемости.

Правоохранительные органы переориентируются в своей деятельности. Они, как и прежде, не играют никакой самостоятельной роли, а безропотно выполняют указания политического руководства, однако в их деятельности возникают существенные перемены. Они становятся весьма активны в отношении противодействия низовой коррупции. Значительное место в их работе занимает фальсификация показателей, которые могли бы подтвердить их антикоррупционную бескомпромиссность. Коррупционеры среднего уровня также оказываются в поле их зрения, но здесь их активность значительно ниже. Они все-таки предпочитают не привлечь этих людей к уголовной ответственности, а присвоить их капиталы. В отдельных случаях уголовной ответственности подвергаются даже представители высшей элиты, если на то будет соответствующее распоряжение. Причиной таких эксцессов в отношении представителей высших слоев общества оказывается либо корпоративный конфликт (и виновного таким образом наказывают), либо вышедший из-под контроля политического руководства громкий общественный скандал, который не удалось замять. В первом случае наказание может быть достаточно суровым (А. В. Улюкаев). Во втором – процесс привлечения к ответственности, как правило, носит имитационный характер (А. Э. Сердюков).

Высокий уровень антикоррупционного потенциала – это тот идеал, к которому стремятся лучшие представители гражданского общества, социальные утописты и вышедшие из народа политические деятели. Однако надо заметить, что на данном уровне культурного развития человечества ни в одной стране мира гражданское общество не обрело такой субъектности, которая позволила бы сформировать социум без коррупции. В период правления в США президента Трампа (2017–2021 гг.) в этой стране антикоррупционная активность была так высока, что неискушенному наблюдателю могло показаться: «Вот он, социальный идеал!» Однако с приходом к власти президента Байдена дистрофия американского гражданского общества предстала во всей своей полноте. Байден и его сын, изрядно скомпрометировавшиеся в коррупционных акциях, оказались неприкосновенными для правоохранительных органов. Это ярко свидетельствует о том, что выйти за пределы среднего уровня антикоррупционного потенциала американскому обществу не удалось.

Неотъемлемой чертой современной политической культуры является следующая аксиоматика: лишь руководитель государства, который по тем или иным причинам начинает воспринимать коррупцию как угрозу или препятствие в реализации своих политических планов, может быть импульсом для формирования антикоррупционного потенциала высокого уровня. Политический руководитель в целях сведения коррупции к минимуму опирается на гражданское общество, которое приступает к бескомпромиссной борьбе. Правоохранительные органы в такой ситуации претерпевают процессы, прямо противоположные тем, которые имели место при низком уровне антикоррупционного потенциала. Все прикосновенные к коррупции вычищаются из этих органов, а перед наиболее активными борцами с этим социальным злом открываются широкие перспективы. Правоохранительные органы обретают инициативность, они уже не ждут указаний от политического руководства – установка на неизбирательную борьбу с коррупцией им уже дана. Принципиальность и бескомпромиссность становятся главным фактором карьерного роста. В реализации своей политической линии руководитель страны опирается на один из элитарных кланов. При этом расправа с конкурирующими элитарными кланами происходит под знаменем привлечения высокопоставленных коррупционеров к суровой уголовной ответственности. Таким образом, все три составляющих политической системы социума (государственный руководитель, политические элиты и гражданское общество) формируют этот высокий уровень антикоррупционного потенциала, реализация которого позволяет государству в очень значительной мере очиститься от коррупционных проявлений.

Динамика антикоррупционного потенциала общества

Тридцатилетняя история современной постсоветской России может служить хорошей иллюстрацией трансформации антикоррупционного потенциала страны. В СССР антикоррупционный потенциал достигал высокого уровня в период сталинского правления. В постсталинское время он существенно снизился, но уверенно держался на среднем уровне. Лишь в конце 70-х и в 80-е гг. прошлого века наметилась тенденция к снижению

этого уровня. Индикаторами снижения уровня антикоррупционного потенциала советского общества могут служить и хищения в фирме «Океан», и так называемое «хлопковое дело», расследование которого привело к самоубийству руководителя Узбекистана Ш. Рашидова, и коррупция в самом высшем эшелоне власти – Президиуме Верховного Совета СССР. Секретарь Президиума М. Георгадзе брал колоссальные взятки за незаконное присвоение звания Героя Социалистического Труда и помилование приговоренных к смертной казни. В процессе расследования в его загородном особняке нашли «сейфы с драгоценными перстнями, серьгами, кольцами, кулонами, ожерельями, а также 8 килограммов бриллиантов и алмазов, 100 золотых слитков, 40 миллионов рублей и 2 миллиона денег в иностранной валюте. Здесь же хранились бесценные сокровища, похищенные из запасников Московского Кремля, Эрмитажа и Исторического музея – полотна Леонардо да Винчи, Рубенса, Ван Дейка, Айвазовского» [24]. Похищенное оценивалось в сумме около 3 миллиардов рублей. Вишенкой на советском коррупционном торте было получение взятки генеральным секретарем КПСС и президентом СССР М. С. Горбачевым в форме Нобелевской премии мира за развал СССР и Варшавского договора.

На фоне получения такого коррупционного импульса не вызывает удивления интенсивное развитие коррупции в нашей стране в 1990-е гг. Здесь мы находим все признаки низкого уровня антикоррупционного потенциала:

- аполитичность народных масс;
- отсутствие какой-либо субъектности гражданского общества;
- подчинение президента РФ коррупционной доминанте, исходившей от представителей экономической элиты, и как результат – тотальное корруммирование нашей государственности.

Приход к власти В. В. Путина ознаменовался постепенной трансформацией многих процессов в борьбе с коррупционной преступностью. Медленно, очень неуверенно, но антикоррупционный потенциал нашего общества начал расти. Первый президентский срок В. В. Путина во многом характеризовался продолжением 90-х гг.

Существенной тенденцией в развитии социальных процессов было формирование гражданского общества. Одним из инструментов создания этого нового политического субъекта в нашей стране стали регулярные многочасовые конференции, которые наш Президент проводил как с журналистами, так и с представителями народа. В 2014 г. на встрече с журналистами В. В. Путин приоткрыл некоторые покровы, которые скрывали политические процессы, происходившие во время его первого президентского срока. В частности, он дал характеристику М. М. Касьянову, который в этот период занимал пост премьер-министра России. Весьма красноречиво выглядит то, что, по словам Путина, за М. М. Касьяновым закрепилась кличка «Миша два процента» [25]. При этом В. В. Путин назначил его председателем Совета по борьбе с коррупцией при Президенте России². Чиновник, подозреваемый в коррупции, с кличкой «Миша два процента», назначается председателем Совета по борьбе с коррупцией при Президенте России – это же злая ирония, оксюморон. Однако в переводе с политического языка на бытовой это означает, что в течение первого президентского срока В. В. Путина в политической системе не было доминанты государственного руководителя, однако арест В. А. Гусинского, эмиграция Б. А. Березовского, осуждение М. Б. Ходорковского свидетельствуют о том, что президентская доминанта начала формироваться в нашей стране.

Влияние формирования гражданского общества на коррупционные процессы

Существенной тенденцией в развитии социальных процессов в этот период было формирование гражданского общества. В этом плане весьма символично создание Совета по развитию гражданского общества при Президенте РФ³.

Одним из инструментов формирования этого нового политического субъекта в нашей стране стали так называемые прямые линии – регулярные многочасовые конференции, которые наш президент проводил как

² Указ Президента РФ от 24.11.2003 № 1384 «О Совете при Президенте Российской Федерации по борьбе с коррупцией» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 48. Ст. 4657.

³ Указ Президента РФ от 01.02.2011 № 120 (в ред. от 19.02.2021 № 107) «О Совете при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 6. Ст. 852.

с журналистами, так и с населением. Практически на наших глазах происходила трансформация гражданского общества из аморфного феномена в активного и целеустремленного субъекта, способного вскрывать острые проблемы коррупции и ставить вопрос об устранении ее фундаментальных причин. Довольно яркой иллюстрацией в этом отношении можно считать вопрос В. Н. Боронца, который журналист задал В. В. Путину на прямой линии в 2013 г. В этом вопросе нашло отражение и то, что его задает не просто журналист, а представитель гражданского общества от имени народа. Этот представитель излагает не какие-то тривиальные положения, согласованные с представителем Президента России, а затрагивает острейшую социальную проблему – привлечение к уголовной ответственности представителей высших элитарных слоев. На вопрос В. Н. Боронца Президент РФ ответил уклончиво. Подтекст слов Президента РФ В. В. Путина был следующий: «В нашей стране еще не пришло время реализовывать китайскую стратегию привлечения к уголовной ответственности “мух” и “тигров”»⁴ [26. С. 13].

Развивая гражданское общество, В. В. Путин довольно четко дифференцировал тех, кто вскрывает социальные язвы для укрепления нашей страны, и тех, кто по заданию иностранных элит работает на разрушение нашей государственности. Для отстранения последних от участия в политической деятельности был принят Закон об иностранных агентах⁵, их стали довольно жестко выдавливать с политической арены. А по отношению к тем представителям гражданского общества, которые стремились улучшить нашу жизнь и избавить страну от коррупции, В. В. Путин проявлял высокую терпимость. Уникальным примером может служить вопрос, который задавала журналистка из Владивостока М. Соловьянко. В ответ на обращение Президента РФ по имени назвала его Вовой. Столь дерзкое поведение и очень острые вопросы, которые задавала Соловьянко, не повлекли в отношении ее никаких негативных мер, более того, ее пригласили и на две следующих встречи с Президентом России, где она задала не менее острые вопросы. Сам стиль общения журналиста с президентом страны показывает: наше гражданское общество уже вышло из детского возраста. Внешне оно уже почти достигло уровня такого мощного политического субъекта, как Президент РФ. Конечно, это только внешне, и тут обольщаться не стоит. Но и такой уровень – это уже очень большое достижение. Чтобы понять, какую огромную дистанцию преодолел этот субъект, достаточно вспомнить славословие вождям и изнурительные длительные аплодисменты по много минут Сталину, когда люди падали в обморок, потому что боялись первыми перестать аплодировать.

В 2012 г. во время оглашения президентского послания палатам Федерального собрания РФ В. В. Путин предложил в законодательном порядке запретить депутатам и государственным служащим Российской Федерации иметь недвижимость за рубежом. Это было встречено аплодисментами, на что президент заметил: «Подождите аплодировать. Может, вам не все понравится еще»⁶. Наличие жилой и нежилой недвижимости за границей, скорее всего, явилось преградой одобрения депутатами соответствующих законодательных инициатив и успешного прохождения такого законопроекта. Анализ этой ситуации вполне отчетливо показывает, какая социальная группа выступает главным препятствием принятия эффективных мер борьбы с коррупцией в верхних эшелонах власти. Этот эпизод показателен и еще в одном отношении: политическая доминанта Президента РФ пока недостаточно сильна для того, чтобы поднять антикоррупционный потенциал страны на высокий уровень.

24 февраля 2022 г. Россия начала специальную военную операцию на Украине. В. В. Путин перешел рубикон. Наше общество вступило в новую реальность. Специальная военная операция была обусловлена целым комплексом причин. Несомненно, в этом комплексе доминировали геополитические факторы. Однако есть немало оснований полагать, что безуспешные попытки В. В. Путина поднять антикоррупционный потенциал России до высокого уровня также были в числе факторов.

⁴ Руководитель КНР Си Цзиньпин, характеризуя такой подход борьбы с коррупцией, заявил, что «пошады не будет ни “тиграм”, т. е. замеченным в коррупции чиновникам самого высокого ранга, ни “мухам”, т. е. тем, кто ворует на низовом уровне».

⁵ Федеральный закон от 20.07.2012 № 121-ФЗ (в ред. от 04.06.2014 № 147-ФЗ) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 30. Ст. 4172.

⁶ Послание Президента РФ Владимира Путина Федеральному Собранию // Российская газета – Столичный выпуск. 2016. № 7142 (274). 1 декабря.

В 2013 г. журналистка из Владивостока задала Президенту России вопрос о состоянии наших вооруженных сил. Она сделала довольно острое заявление о том, что «у нас всю армию разворовали». И с удивлением спросила: «А Вы разве не знаете об этом?» Не подозревая, насколько он близок к истине, Президент РФ ответил: «Не знаю». Узнал он об этом через много лет, когда на Украине начались боевые действия.

Антикоррупционный потенциал общества в условиях проведения специальной военной операции

С первых дней спецоперации стала очевидна определенная дисфункция: разведка, спецслужбы, полководцы, параметры вооруженных сил, стиль ведения боевых действий. Американский режиссер Гонсало Лира Лопес, работающий над кинофильмом о боевых действиях на Украине, заметил, что «русские воюют на цыпочках» [27]. А генштабист К. В. Сивков расширил эту характеристику: «...на цыпочках и одной рукой» [28]. Постепенно очертания Русско-японской войны (1904–1905 гг.) и первой чеченской кампании (1994–1996 гг.) стали проявляться все отчетливее. В качестве иллюстрации можно привести следующие факты. Интендантские хищения военного имущества и продовольствия в Маньчжурской армии стали символом коррупционного отрицания военных успехов. По мнению многих историков, коррупция была одним из значимых факторов поражения Российской империи в Русско-японской войне. В сентябре 2022 г., после объявления в России частичной мобилизации, выяснилось, что в нашей армии бесследно исчезли полтора миллиона комплектов военного обмундирования⁷. В связи с этим был снят с должности заместитель министра обороны РФ генерал армии Д. В. Булгаков. Конечно, экономика нашей страны справится с обмундированием 300 тыс. мобилизованных, однако имидж российского государства как страны, в которой «разворовали все до нитки», работает на повышение боевого духа украинского воинства и на снижение боевого духа наших военнослужащих.

Не менее драматична и параллель с первой чеченской кампанией, символом которой стали элитарные «договорники», не позволявшие русскому солдату одерживать победы. Вот один из эпизодов, описанный командующим группировкой российских войск в Чечне А. С. Куликовым. 15 мая 1996 г. российские войска должны были начать военную операцию по освобождению горных районов, где из-за отсутствия дорог нельзя было использовать артиллерию. Лишь фронтовая авиация могла обеспечить огневое прикрытие наших войск. Ночью накануне операции А. С. Куликов получил телеграмму из Генштаба, в которой указывалось, что Б. Н. Ельцин запретил применение авиации. Запрет применения авиации, несомненно, повлек бы не только колоссальные потери среди российских военнослужащих, но и поражение в ходе боевых действий. Попытки связаться с Президентом России были безрезультатны. Вот как А. С. Куликов объяснил причину попытки подрыва боеготовности наших войск накануне военной операции: «Мне потом Масхадов рассказывал, что некий Курбанов, представитель Дудаева в Москве, покрутился здесь в каких-то кругах и добился этого распоряжения Б. Н. Ельцина» [4]. Лишь глубокой ночью А. С. Куликову удалось выйти на связь с В. С. Черномырдиным, который дал разрешение на применение авиации, а через несколько часов это разрешение подтвердил глава администрации Президента России С. А. Филатов.

Похожая ситуация складывается сейчас на фронтах специальной военной операции. Украинцы взорвали Крымский мост, разбомбили мост через Днепр в районе Херсона. А вот российским войскам не удалось разбомбить ни одного моста, по которым идет снабжение украинской армии на Донбассе и в Харьковской области. Не проводятся бомбардировки железнодорожных станций, Укржелезница исправно поставляет зарубежную военную технику по невзорванным рельсам. В сентябре 2022 г. разведка выявила сосредоточение украинских войск, подготовившихся к штурму Изюма и Купянска. Одно звено наших самолетов Ту-22М3 могло бы умножить на ноль эту изготовившуюся к уничтожению наших солдат и вставших на путь сотрудничества с Россией украинцев. Тем не менее этого сделано не было. Когда-нибудь мы узнаем точную причину. Однако мемуары А. С. Куликова позволяют уже сегодня выдвигать достаточно обоснованные гипотезы.

⁷ Новожилова Д. Андрей Гурулёв на «Соловьёв Live» возмущается пропажей у Минобороны 1,5 млн комплектов военной формы. 12.10.2022. URL: <https://medialeaks.ru/0210ndi-str-sct-gurulev-uniform/> (дата обращения: 18.10.2022).

Заключение

Начав специальную военную операцию в феврале 2022 г., В. В. Путин «сжег свои корабли». Обратной дороги нет. Поражение – это крах России. И не только России, это крах В. В. Путина. В этих условиях специальная военная операция выполняет функцию фактора трансформации нашей социальной системы, и важнейшим элементом этой трансформации является повышение уровня антикоррупционного потенциала России. Суть новой реальности заключается в том, что Россия оказалась перед жесткой альтернативой: либо политическая элита страны будет очищена сверху от коррупционеров и лиц, ориентированных на зарубежные интересы, либо это будет сделано снизу.

22 октября 2022 г. предыдущего руководителя КНР и горячего сторонника зарубежных национальных интересов Ху Цзиньтао демонстративно вывели из зала, где проходил съезд компартии Китая. Председатель Си продемонстрировал всему миру, что Китай делает шаг из старой реальности в новую. В. В. Путину предстоит сделать то же самое.

Список литературы

1. Anti-Corruption Potential of Openness and Accessibility of Municipal Legal Acts / I. A. Damm, N. V. Shchedrin, O. V. Ronzhina et al. // J. Sib. Fed. Univ. Humanit. Soc. Sci. 2019. № 12 (3). Pp. 378–392. DOI: <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0400>
2. Антикоррупционный потенциал запрета на финансирование избирательных кампаний в деятельности коммерческих организаций / Е. А. Акунченко, И. А. Дамм, В. В. Кострыкина, П. В. Тепляшин // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2021. Т. 14, № 5. С. 680–692. DOI: <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0751>
3. Бринева Д. А. Активизация антикоррупционного потенциала российского общества как фактор повышения национальной безопасности // Научное образование. 2020. № 3 (8). С. 550–552.
4. Елпашев С. Ю., Щетинина О. В. Антикоррупционный потенциал: источники, факторы и показатели // Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки. 2019. № 5. С. 71–80. DOI: <https://doi.org/10.26653/2076-4685-2019-5-07>
5. Кнышева Е. А. Развитие антикоррупционного правосознания как технология активизации антикоррупционного потенциала российского общества // Вестник государственного и муниципального управления. 2015. № 2 (17). С. 85–89. DOI: <https://doi.org/10.12737/13176>
6. Кондратенко Г. Г. Антикоррупционный потенциал институтов гражданского общества // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2014. № 2. С. 48–56.
7. Антикоррупционный потенциал инструментов «цифровой экономики»: политико-управленческий анализ / А. В. Курочкин, Т. А. Кулакова, С. А. Коверзнева // Креативная экономика. 2019. Т. 13, № 12. С. 2349–2360. DOI: <https://doi.org/10.18334/ce.13.12.41528>
8. Ломов А. М. Антикоррупционный потенциал федерального законодательства по противодействию коррупции в системе государственной службы // Проблемы права. 2009. № 1 (17). С. 123–129.
9. Малютина Е. Л. К вопросу об антикоррупционном потенциале присяги государственного гражданского служащего // Вестник научных конференций. 2016. № 3–6 (7). С. 69–72.
10. Панова Н. В. Факторы, снижающие антикоррупционный потенциал запрета на участие государственных и муниципальных служащих в предпринимательской деятельности // Библиотека уголовного права и криминологии. 2015. № 2 (10). С. 150–154.
11. Пясецкая Е. Н. Государственные и муниципальные услуги: развитие антикоррупционного потенциала публичного администрирования // Политика, экономика и инновации. 2015. № 1 (1). С. 2.
12. Шедий М. В. Особенности развития антикоррупционного потенциала гражданского общества в России // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2013. № 2 (26). С. 294–298.
13. Шедий М. В. Технологии активизации антикоррупционного потенциала российского общества // Среднерусский вестник общественных наук. 2017. Т. 12, № 3. С. 173–182. DOI: <https://doi.org/10.22394/2071-2367-2017-12-3-173-182>
14. Яковлев И. Г. Антикоррупционный потенциал исполнительной власти: монография. Москва: Контент-Пресс, 2010. 206 с.
15. Goethe L.W. Poetische Werke. Bd 1. Berlin, 1965. S. 451.
16. Иванов Д. В. Влияние низовой коррупции на стабильность правопорядка в Советской России в послевоенный период // Мир юридической науки. 2012. № 2. С. 36–44.
17. Щербович И. А., Караев Р. Ш. Анализ детерминантов низовой коррупционной преступности в России // Правовая политика и правовая жизнь. 2017. № 2. С. 69–76.

18. Дмитриева Е. Л. Административная коррупция в современном Ираке // Россия и мусульманский мир. 2020. № 2 (316). С. 80–88.
19. Гончаренко Г. С. Понятие политической коррупции и формы ее проявления // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2006. № S1. С. 46–51.
20. Кабанов П. А. Политическая коррупция в России: понятие, сущность, причины, предупреждение. Казань: Новое знание, 2004. 174 с.
21. Кабанов П. А. Понятие и криминологическая характеристика политической коррупции // Следователь. 1998. № 8. С. 48–55.
22. Политическая коррупция как угроза реализации избирательных прав граждан / Д. А. Мохоров, В. П. Демидов, А. Ю. Мохорова, Е. Долженкова // Право и практика. 2021. № 3. С. 15–19.
23. Ханин Д. И. Феномен политической коррупции в России // Государственная власть и местное самоуправление. 2011. № 9. С. 38–42.
24. Портнов А. Измеряйте воровство в «георгадах» // Столица. 1991. № 23, июнь. С. 17–18. URL: <https://avmalgin.livejournal.com/6331402.html> (дата обращения: 18.10.2022)
25. Киселев Е. А. Михаил Касьянов. Крючок для олигархов // Новая газета. 2009. 2 октября.
26. Противодействие коррупции в Китае: законодательство и правоприменение / Ю. В. Трунцевский, В. В. Севальнев, А. Н. Сухаренко. Москва: Проспект, 2021. 176 с.
27. Бойко А. Американский режиссер: российская армия идет по Украине на цыпочках // Комсомольская правда. 2022, 1 марта.
28. Сивков К. В. Россия воюет на цыпочках и одной рукой. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=OXoajTHndQM> (дата обращения: 18.10.2022).
29. Куликов А. Первая чеченская война началась с ошибок и кончилась позором. URL: <https://warchechnya-ru.turbopages.org/warchechnya.ru/s/anatolij-kulikov-pervaya-chechenskaya-voyna-nachalas-s-oshibok-i-konchilas-pozorom/> (дата обращения: 18.10.2022).

References

1. Damm, I. A., Shchedrin, N. V., Ronzhina, O. V., Akunchenko, E. A., Korkhov, A. V. (2019). Anti-Corruption Potential of Openness and Accessibility of Municipal Legal Acts. *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 12 (3), 378–392. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0400>
2. Akunchenko, E. A., Damm, I. A., Kostyrykina V. V., Teplyashin P. V. (2021). Anti-corruption potential of prohibiting the financing of election campaigns by commercial organizations. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 14 (5), 680–692 (in Russ.). <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0751>
3. Brineva, D. A. (2020). Activation of the anti-corruption potential of Russian society as a factor of national security. *Nauchnoe obrazovanie*, 3 (8), 550–552 (in Russ.).
4. Elpashev, S. Yu., Shchetinina, O. V. (2019). Anti-corruption potential: sources, factors and indicators. *Scientific Review. Series 2: Human Science*, 5, 71–80 (in Russ.). <https://doi.org/10.26653/2076-4685-2019-5-07>
5. Knysheva, E. (2015). Development of anti-corruption legal conscience as technology of activization of anti-corruption potential of the Russian society. *Journal of Public and Municipal Administration*, 2 (17), 85–89 (in Russ.). <https://doi.org/10.12737/13176>
6. Kondratenko, G. (2014). Anti-corruption potential of civil society institute. *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2, 48–56 (in Russ.).
7. Kurochkin, A. V., Kulakova, T. A., Koverzneva, S. A. (2019). Anticorruption potential of the “digital economy” tools: political-managerial analysis. *Kreativnaya Ekonomika*, 13 (12), 2349–2360 (in Russ.). <https://doi.org/10.18334/ce.13.12.41528>
8. Lomov, A. M. (2009). Anticorruption potential of the federal legislation on corruption counteraction in the state service system. *Issues of Law*, 1 (17), 123–129 (in Russ.).
9. Malyutina, E. L. (2016). On the issue of the anticorruption potential of the oath of a state civil servant. *Vestnik nauchnykh konferentsii*, 3–6 (7), 69–72 (in Russ.).
10. Panova, N. V. (2015). Factors reducing the anticorruption potential of the prohibition for state and municipal servants to participate in business activity. *Biblioteka Ugolnogo Prava i Kriminologii*, 2 (10), 150–154 (in Russ.)
11. Pyasetskaya, E. N. (2015). State and municipal services: development of anticorruption potential of public administration. *Politika, Ekonomika i Innovatsii*, 1 (1), 2 (in Russ.).
12. Shedy, M. V. (2013). Features of development of the anticorruption potential of the civil society in Russia. *Uchenye Zapiski. Elektronnyi Nauchnyi Zhurnal Kurskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, 2 (26), 294–298 (in Russ.).

13. Shedy, M. V. (2017). Technologies of activation of the anti-corruption potential of the Russian society. *Central Russian Journal of Social Sciences*, 12 (3), 173–182 (in Russ.). <https://doi.org/10.22394/2071-2367-2017-12-3-173-182>
14. Yakovlev, I. G. (2010). *Anticorruption potential of the executive power: monograph*. Moscow, Kontent-Press (in Russ.)
15. Goethe, L. W. (1965). *Poetische Werke*. Bd 1. Berlin.
16. Ivanov, D. V. (2012). Influence of the shopfloor corruption on the stability of legal order in Soviet Russia in the post-war period. *Mir Yuridicheskoi Nauki*, 2, 36–44 (in Russ.).
17. Scherbovich, I. A., Karaev, R. Sh. (2017). The analysis of determinants of local corruption crime in Russia. *Pravovaya Politika i Pravovaya Zhizn*, 2, 69–76 (in Russ.).
18. Dmitrieva, E. L. (2020). Administrative corruption in modern Iraq. *Rossiya i Musul'manskii Mir*, 2 (316), 80–88 (in Russ.).
19. Goncharenko, G. S. (2006). Notion of political corruption and forms of its manifestation. *Izvestiya Vysshikh Uchebnykh Zavedenii. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye Nauki*, S1, 46–51 (in Russ.).
20. Kabanov, P. A. (2004). *Political corruption in Russia: notion, essence, causes, prevention*. Kazan, Novoe znanie (in Russ.).
21. Kabanov, P. A. (1998). Notion and criminological characteristics of political corruption. *Sledovatel*, 8, 48–55 (in Russ.).
22. Mokhorov, D. A., Demidov, V. P., Mokhorova, A. Yu., Dolzhenkova, E. (2021). Political corruption as a threat to the implementation of the electoral rights of citizens. *The Law and Practice*, 3, 15–19 (in Russ.).
23. Hanin, D. I. (2011). The phenomenon of political corruption in Russia. *Gosudarstvennaya Vlast' i Mestnoe Samoupravlenie*, 9, 38–42 (in Russ.).
24. Portnov, A. (1991, June). Measure theft in “georgadzes”. *Stolitsa*, 23, 17–18 (in Russ.). <https://avmalgin.livejournal.com/6331402.html>
25. Kiselev, E. A. (2009, 2 October). Mikhail Kasyanov. A hook for oligarchs. *Novaya Gazeta* (in Russ.).
26. Truntsevskii, Yu. V., Seval'nev, V. V., Sukharenko, A. N. (2021). *Corruption counteraction in China: legislation and administration of law*. Moscow: Prospekt (in Russ.).
27. Boiko, A. (2022, 1 March). American producer: Russian army marches along Ukraine on tiptoe. *Komsomol'skaya Pravda* (in Russ.).
28. Sivkov, K. V. (2022). *Russia fights in a war on tiptoe and with one hand* (in Russ.). <https://www.youtube.com/watch?v=OXoajTHndQM>
29. Kulikov, A. (2022). *The first Chechen war started from mistakes and ended with a shame* (in Russ.). <https://warchechnya.ru.turbopages.org/warchechnya.ru/s/anatolij-kulikov-pervaya-chechenskaya-vojna-nachalas-s-oshibok-i-konchilas-pozorom/>

Вклад авторов

С. М. Иншаков являлся главным инициатором написания статьи и разработчиком ее идеи. Провел контент-анализ материалов в средствах массовой информации, касающихся социально-политических и исторических аспектов коррупции и современного состояния в России, ее тенденций, изучил специальную литературу по теме, обосновал и сформулировал результаты и выводы, касающиеся коррупции как негативного социально-политического явления.

В. А. Казакова провела контент-анализ материалов в средствах массовой информации, касающихся криминологических аспектов коррупции, изучила специальную литературу по теме, обосновала и сформулировала результаты и выводы, касающиеся коррупции как криминального явления.

The author's contribution

S. M. Inshakov was the key initiator of the article and elaborator of its concept. He made the content analysis of the materials in mass media, referring to the socio-political and historical aspects of corruption and modern situation in Russia, its trends; studied special literature on the topic, substantiated and formulated the results and conclusions referring to corruption as a negative social-political phenomenon.

V. A. Kazakova carried out the content analysis of the materials in mass media, referring to the criminological aspects of corruption, studied special literature on the topic, substantiated and formulated the results and conclusions referring to corruption as a criminal phenomenon.

Конфликт интересов: авторами не заявлен.

Conflict of Interest: No conflict of interest is declared by the authors.

Дата поступления / Received 31.10.2022

Дата принятия в печать / Accepted 02.12.2022